

ИРИНА БОГДАНОВА

ОТЗВУКИ ВРЕМЕНИ

Роман

Сибирская Благовонница

Москва

2019

*Допущено к распространению
Издательским Советом
Русской Православной Церкви*
ИС Р 18-808-0294

Б 74 **Богданова, И. А.** — Отзвуки времени: роман / Ирина Анатольевна Богданова. — М.: Сибирская Благовонница, 2019. — 747, [5] с.

ISBN 978-5-00127-088-1

«Отзвуки времени» — новый долгожданный роман Ирины Богдановой, номинанта Патриаршей литературной премии и лауреата литературного конкурса «Просвещение через книгу». Произведения автора неоднократно включались в федеральную программу «Культура России» и заслуженно пользуются популярностью у читателей за искренность и душевность.

Героиня повествования — наша современница, но цепочка событий в ее судьбе приоткроет дверцу в давно минувшую эпоху блистательного Санкт-Петербурга с его тайнами и загадками. Читателю предстоит узнать, кто услышит отзвуки времени, чтобы в круговерти дней найти верную дорогу к себе самому и друг к другу. И чем дальше отодвигаются в глубь веков события истории, тем яснее выступает из их тени и приближается к нам женская фигурка в истлевшем мужском камзоле певчего придворного хора. Как всегда, книга захватит читателя с первых страниц, приглашая вместе, рука об руку, пойти навстречу прощению, любви и вере.

УДК 821.161.1-3

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

© Богданова И.А., текст, 2018

© Издательство Сибирская Благовонница,
оформление, 2018

Императрицу Елизавету Петровну похоронили в стылый день, пересыпанный снежной крупой, что ковром легла на ступени Зимнего.

Накануне от Зимнего дворца (часть ещё строилась) до Петропавловской крепости по невскому льду были проложены деревянные мостки. Вдоль всего пути стояли войска, и солдаты держали ружья по команде «на погребение», стволами вниз. Под тревожную барабанную дробь протяжно и уныло плакали трубы и флейты. Сплошная толпа народу на реке и набережной наблюдала, как из дворцовых ворот медленно выдвинулась похоронная процессия. Белизна снега подчёркивала траурные платья дам и чёрные попоны на лошадях; чёрные епанчи на кавалерах перемежались с чёрными латами рыцарей и чёрными штандартами на длинных шестах.

— Со святыми упокой, Христе, душу рабы Твоей, — протяжно выводил хор певчих, и казалось, что по их голосам душенька усопшей императрицы взбирается к Небесным Чертогам.

Издали с набережной Кронверка хорошо просматривались две фигуры, что провожали гроб: одна — мужская — подпрыгивала дурным галопом. И тогда концы царской мантии вырывались из рук лакеев и вороньими крыльями

вились по ветру. Другая — женская — следовала величественно и скорбно.

— Истинная государыня новая царица Екатерина! — летел по толпе глухой ропот, проникая в самое сердце каждого, кто провожал в последний путь Елизавету Петровну.

— Матушка, Андрей Фёдорович, умоли Бога за императрицу, а не то погубит Россию наследник Пётр Третий, — тихо и просительно произнёс чей-то женский голос.

Никак блаженная рядом! Колеватова живо поворотилась на звук, но позади себя увидела лишь великое людское скопище.

* * *

Как трудно выбраться из хворобы! Кашель раздирал грудь и горло, а глаза слезились. Лихоманка выкручивала руки и ноги. Чувствуя, что сейчас упадёт, женщина свернула в ближний двор с приоткрытой калиткой. Собака сипло рыкнула, но не залаяла.

Натянув на плечи кусок рядна, женщина забилась в хлев, прислонилась к тёплому коровьему боку и зашептала слова молитвы. Она сердилась, что болезнь мешает ей славить Господа, и стыдилась своей немощи. Даст Бог, минует зима, сойдёт лёд на Неве и колокола запоют пасхальные звоны. У церковных врат батюшка

в белых ризах двумя руками подымет крест и трижды крикнет в тёмное небо:

— Христос воскрес!

— Воистину воскрес! — колыхнётся в ответ людское море, возвещая, что Спаситель попрал смерть, воедино соединяя мир живых и мёртвых.

И такая радость разольётся вокруг, будто ступаешь не по земле, а плывёшь по солнечному лучу.

Сквозь мягкое полузабытьё слышались стук колотушки сторожа и неразборчивые людские голоса. Один мужчина говорил быстро и громко, а другой смиренно и успокаивающе:

— Господи, и их помилуй от щедрот Твоих!

От Имени Божиего на устах болезнь отступала. Перекрестив скотину, разделившую с ней кров, женщина вышла наружу, в мозглую сырость февральской ночи. Ветер с волчьим воем затеребил плат на голове и забрался в башмаки, но взгляд успел отыскать яркую звезду на небеси, что наперекор всему сияла светом Христовым, не приемля ни хулы, ни похвалы.

* * *

В начале мая Санкт-Петербург полосовали дожди. Розовато-жёлтая громада Зимнего дворца в строительных лесах закинула в болотном тумане. Измаявшись непогодой,

недоброй славы государь Пётр Третий отбыл в загородный Ораниенбаум, и молва доносила слухи о его нескончаемых пирушках. И это вместо того, чтобы ходить в траурном платье по благодетельнице императрице Елизавете Петровне! Мужики меж собой баяли, что прусакам дана большая воля, и дошло до того, что русских солдат понуждают прислуживать голштинскому войску, выписанному на потребу новому царству.

Подобно своенравной Неве перед бурей, город набухал недовольством и страхом: что-то будет? Кто отмолит грехи, что каменной глыбой лежат на граде Петровом, построенном на человеческих костях?

— Интересно, спит ли когда эта блаженная? — сказала мужу Фёкла, завидя невысокую женщину в красной юбке и зелёной кофте.

Та шла, постукивая посохом по деревянному настилу, а сзади, на безопасном расстоянии, тащилась парочка мальчишек — из тех сорванцов, за которыми глаз да глаз.

— А я почём знаю? — пожал широкими плечами бондарь Маркел по прозвищу Волчегорский, потому как ещё пострелёнком пришёл в Престольную с урочища Волчья Гора на Белом море.

Здоровенными ручищами он мог колёсные обода ломать, а перед Фёклой робел. Бывало,

забуянит где в трактире, так целовальник¹ сразу полового за Фёклой шлёт. Стоит той взойти на порог да зыркнуть на благоверного, он вмиг тише ягнёнка становится.

— А мне всё же интересно, — продолжала гнуть своё Фёкла, — бабы всякое болтают, кто-то говорит, что Ксения свой дом вдове Антоновой отдала, а я думаю, что у неё в заповедном местечке пристанище имеется или кто из богачей её привечает. Болтают, куда блаженная на постой встанет, тому хозяину удача выпадет: купцы расторговываются, у ремесленников заказы подходят, а у крестьян урожай родится сам-сто. Вот и стукнуло мне в голову проследить, с кем она дружбу водит.

Пошуровав в печи, Фёкла брякнула на стол чугунок с пареной репой и развернула тряпицу с солью.

Маркел крикнул:

— Опять репа? Ты бы хоть щей с грибами наварила или уху сварганила. Во где уже у меня твоя репа стоит.

Ногтем с чёрной окаёмкой Маркел чиркнул себя по горлу, но репу взял, густо присолив

---

¹ *Целовальниками* в XVI–XVIII вв. называли местных должностных лиц, целовавших крест, т. е. присягавших на кресте в исправном сборе государственных денежных доходов. После ликвидации в 1754 г. внутренних таможен сохранились только кабацкие целовальники.

сероватой солью. Слава Богу, соли в доме было вдосталь, давеча в гавань судно с солью зашло, так знакомый корабельщик целую меру по дешёвке продал.

— Ты разговор-то на репу не отводи, а лучше подумай, как разузнать то, о чём я тебе толкую. — Фёкла взяла в руки рубель и принялась яростно выкатывать валик с накрученным полотенцем. Она всегда гладила бельё, словно в бой шла. Иной раз Маркел думал, что если бы его жёнку с этим рубелем в руках да впереди войска поставить, то ух — дрожи, неприятель!

— Да боязно мне, — сказал Маркел, упихав в рот последний кусок репки. — Ну как заметит и ославит на всю округу. Не дело бондарю за людьми подсматривать, чай, у нас не Тайная канцелярия, а я не граф Шувалов¹.

— Тайную канцелярию государь Пётр Третий упразднить изволил, — отрезала Фёкла, — так что теперя каждый сам себе соглядатай.

— Не пойду я, Фёкла, не дури, — попытался урезонить жену Маркел, — что за шлея тебе под хвост попала?

---

¹ *Граф Александр Иванович Шувалов (1710–1771)* — доверенное лицо императрицы Елизаветы Петровны, камергер, начальник Канцелярии тайных розыскных дел, генерал-фельдмаршал, сенатор, член Санкт-Петербургской конференции.

— Узнай, — с нажимом сказала Фёкла, и Маркел понял, что упорная баба добром не отвяжется, да стыд признаться, но и самого интерес раззадорил, будь он сто крат неладен.

Легко сказать: выследи. А как сделать? Волей-неволей, пришлось спозаранку караулить, когда мелькнёт по улице красная юбка, да банным листом прилипнуть чуток поодаль, чтоб не потерять из виду.

А и скоро блаженная была на ногу, будто не человек, а птица летала над городом! За целёхонький день нигде ни разу не присела, не отдохнула. К вечеру у Маркела от усталости спину узлом завязало, а ей хоть бы что. Спрятавшись за угол, он достал из торбы краюху хлеба и впился зубами в подсохшую мякоть. Хлеб Фёкла пекла знатный, духмяный, с тминным семенем. Сейчас жена небось козёнку подоила и сидит у ворот калёными орешками балуется.

За день пришлось с Петербургской стороны дойти до Сенной площади, оттуль до Сенатской, потом вдоль Невы к верфям. Слава Богу, у Исаакиевской церкви ему досталась короткая передышка, потому что далее пришлось топтать аж до самого Смоленского кладбища. И везде Ксения шла лёгкой походкой, останавливаясь лишь у храмов Божиих, чтобы положить поклоны.

Завидев Ксенью, лоточники выскакивали из-за прилавков, что пузыри из кваса:

— Возьми, возьми копеечку, Андрей Фёдорович! Не побрезгуй.

Более не предлагали, знали, что не примет.

И замирали в поклоне с протянутыми ладонями, на которых поблёскивали медяки.

«А ведь чувят, что не она нищенка, а они, — вдруг до пота прошибло Маркела, — их богатство — труха, тлен, а её есть Царствие Небесное».

Он запахнул зипун и взглянул на небо. Вечерело. С Невы тянуло сырým холодом. Нынче сентябрь, День святого Евтихия. Сеструхи в деревеньке на Волчьей Горе небось примечают, тихий ли день. По приметам ежели не прилетят ветра, то льняное семя на корню выстоится и масло будет доброе, что жидкое золото. Маркел вздохнул. Хоть и живёт в столице, почитай, с малолетства, а душа в деревню погрузить летает, повидать родные берёзки возле полей со жнивьём да поклониться заветному родничку. Ух, и вкусная там водица!

Он так размечтался, что едва не прокараулил зелёную кофту, что замелькала меж воев с сеном. В два жевка заглотив краюху, Меркел двинул позади, держась на безопасном расстоянии, чтобы его не заметили.

На счастье, блаженная шла себе да шла куда глаза глядят, по сторонам не оглядывалась.

На углу постоянного двора, что держал Игнат Кубышкин, пришлось прикрыть лицо рукавом, навреде как зубы болят. С Игнатом они давние приятели, ну а вдруг если тот выскочит да спросит: куда, мол, Маркел, поспешаешь? Что отвечать?

Заевавшись, он ступил в лужу, и лапти сразу же набрались жидкой грязью. Маркел хотел выругаться, но что-то удержало, словно бы Дух Святой ступал рядом и мог слышать слова непотребные.

Он забеспокоился, когда пала тьма и пешеходы разбрелись по домам. Крестьянские домишки вдоль улиц становились всё беднее. Покосившиеся избёнки сменяли дощатые сараюшки и приземистые коровники. На мостике через канаву блаженная замедлила ход. Они были вдвоём на улице, и Маркел слышал, как блаженная забормотала что-то неразборчивое. Далее, за мостиком, лежало поле, где, по слухам, разбойничала шайка Ваньки Кистеня.

Маркел перекрестился:

— Не приведи, Господи, встретить татя ночного.

Он думал, что Ксения пойдёт обратно, но она устремилась по едва видной тропке меж кустов. Чтобы спрятаться, Маркелу пришлось присесть в бурьян.

«Ну, жена, погоди у меня!» — прошептал он ради порядка, хотя, признать по чести, его

и самого раздирало любопытство. Оказывается, сладость чужих секретов может кружить голову не хуже хмельной бражки. Ему бы устыдиться, повернуть назад, но ноги сами несли навстречу неизвестности, да и уйти теперь боязно, потому как должен же кто-то защитить блаженную от разбойников, если те вдруг задумают недоброе.

Оказывается, Ксения молилась! Ночь напролёт! Стоя на камне, клала поклоны на все четыре стороны, крестилась и снова кланялась. По серому ночному небу мчались чёрные облака. Ветер рвал полы зипуна и ерошил волосы, рассыпая по траве седую изморозь грядущих холодов. Когда проглядывала луна, из кустов ивняка Маркел чётко видел хрупкую фигурку, противостоящую непогоде. Закочев от неподвижности, он тоже попробовал просить милости Господа, и сперва слова вязались в молитву, но потом от усталости мысли сбились на мирскую суету, и Маркел вдруг понял, что вместо «Отче наш» прикидывает, где сподручнее купить дубовины для бочек и заказать вязку обручей, чтоб гнулись, но не ломались. Стянув шапку, он наклонил голову и постарался сосредоточиться, стыдясь собственной слабости.

Ведь не за себя же просит блаженная, что стынет на пронизывающем ветру, а за него,

за стольный град Петра, за Россию, чтоб стояла из века в век, за царицу-матушку, чтоб была умна и милостива, и за весь честной люд, что должен жить по совести и в страхе Божиим.

Неужели же он, здоровый мужик, не сдюжит то, что каждую ночь делает слабая женщина? Но нет, не смог, не хватило сил.

Утром, едва живой, Маркел забрался к Фёкле на печку и уже сквозь сон, произнёс:

— Завидишь блаженную — в ноги кланяйся и почитай за святую душеньку.

* * *

Юродивых по Петербургу бродило великое множество. По воскресным дням церковные паперти заполняли нищие. Выставив напоказ расчёсанные тела, попрошайки тянули руки к прохожим:

— Подайте на пропитание Христа ради!

Тот, кто подбрее, бросал в подставленные ладони копейку-другую или совал краюху хлеба. Иные, скривив лицо, коротко отвечали: «Бог подаст», и тогда им в спину летели горькие взгляды, а иной раз и крепкое словцо.

Полученные деньги хватались с жадностью и тут же отправлялись за щёку, в щербатый рот: подальше положишь — поближе возьмёшь.

Ксения же ни о чём не просила и милостыню принимала не от всех, а полученное немедленно раздавала другим, ничего не оставляя для себя. Казалось, что её не берёт ни холод, ни голод и не заботит людская молва. Одно слово — блаженная, да не от того, что ей припала блажь нищенства, а оттого, что сумела прикоснуться к истинной благодати Божией.

Петербург — город маленький, а Петербургская сторона и того меньше, трудно не распознать, что ежели заглянет блаженная в какую лавку да угостится хоть малой малостью, то у хозяина торговлишка как на дрожжах пойдёт. Единственное, на что серчала, — это ежели её величали не Андреем Фёдоровичем, а матушкой или Ксенией. Ответствовала всегда едино: «Ксения Григорьевна умерла».

Самым трудным оказалось избавиться от собственного тела. Оно мешало, приколачивало к земле, требуя то пищи, то крова, то чашку горячего сбитня с медовой пенкой, мечтало о кисленьком кваске из погребов, да чтобы поверху плавала поджаристая хлебная корочка. Зимой тело мёрзло, а летом корчилося от жары. Но по мере того, как душу заполняла молитва, брешное тело перестало занимать мысли. Пусть себе существует, раз Бог дал его человеку ради испытания веры.

Царствие императора Петра Третьего¹ продлилось семь месяцев, уснащая город сплетнями и пересудами. Новый царь не по нраву пришёлся простому люду, да и презирал он русский народ, всё больше поглядывая в сторону неметчины, в коей возрастал до четырнадцати годков.

— Даже солдат себе выписал из Голштинии², — с придыханием говорила сестре дворцовая прачка Марфушка. С вёдрами в руках, бабоньки стояли возле бочки водовоза и никак не могли наговориться власть. — Нешто наши солдатики хуже ихних из ружей пуляют? Видала я этих упырей заморских, по-русски ни бе, ни ме, ни кукареку. Лопочут на своём немецком, что собаки лают. И государь туда же. Ростом сморчок, лицо с кулачок, паричок кургузый, а сапоги-то, сапоги! — Выкатив глаза, Марфушка провела ребром ладони себе по юбке. — Сапоги у него столь высоки, что ноги не сгибаются. Так и стоит

---

¹ *Государь Пётр Фёдорович* — сын старшей дочери Петра Великого Анны и герцога Голштейн-Готторпского. Прибыл в Россию в возрасте четырнадцати лет как наследник Российского престола.

² *Голштиния*, или *Голштейн* (Holstein, лат. Holsatia) — бывшее герцогство в Северной Германии, между Эйдером, Эльбой, Траве, Немецким и Балтийским морями; образует с 1867 г. южную часть прусской провинции Шлезвиг-Голштейн.

столбом. Рукой машет да кричит солдатам: «Ай, цвай, драй! Ай, цвай, драй!» Не пойму я, что за «драй» такой? Что ни день, то у царя гулянка. Запрётся в покоях с, прости Господи, фрейлинами и велит страже никого не впускать, кроме лакея Фролки. Тот винище из погребов таскает кувшин за кувшином. А придворный арапчонок Тишка болтал, якобы княгиня Куракина с царской любовницей графиней Елизаветой Воронцовой до такого непотребства дошли, что едва не подрались. Парики друг у дружки на пол поскидывали и на посмешище всей дворни волосами трясли.

— Да неужто?! — У сестры так и рот открылся. — А я про Воронцову слыхала, что она с царицей Екатериной дружбу водит.

— С царицей дружбу водит Воронцова-Дашкова, сестра Елизаветы, — важно разъяснила Марфушка, — я их тоже сперва путала, пока не разобралась, что к чему. Тем паче, что они лицом схожи, как мы с тобой. Хотя ты, пожалуйста, покрасивей меня будешь, недаром сваты у батюшки с матушкой пороги обивали, а я вековухой осталась... В общем, сестрица, я так тебе скажу: не Пётр Третий нашей державе достался, а балаганный петрушка. Но это ещё полбеды бы! Намедни мне портомойка шепнула, что государь собирается затеять войну с датским царём, чтоб помочь своей родной Пруссии! Где

этот датский царь, мне неизвестно, но подумать страшно, за что он собирается нашу русскую кровушку проливать! Одно слово — иноземец, не то что жонка его, царица Екатерина Алексеевна. Та, голубушка, вся в чёрном, да с плерезами¹ шириной с тесовую доску. — Обозначая размер траура, Марфушка растопырила руки в стороны. — Ходит из церкви в церковь и молится за душеньку новопреставленной Елизаветы Петровны. Императору, само собой, стыд глаза ест, и помяни моё слово, Палага, моргнуть не успеем, как Екатерина в монастыре окажется, а то и того хуже, — она понизила голос, — удавит её супостат голштинный. Как пить дать удавит.

Охнув, сестра перекрестилась и некоторое время стояла, горестно подперев ладонью щёку. Но вдруг встрепенулась, словно луч солнца блеснул меж тучами.

— Авось обойдёт беда стороной Россию-матушку, не даст совершиться смертоубийству. — Она указала взглядом на блаженную Ксению, что брела вдоль забора бондаря Волчегорского: — Вон кто наши грехи отмолит. — Согнув спину в полупоклоне, она протяжно молвила: — Андрей Фёдорович, возьми копеечку, не побрезгуй.

---

¹ *Плерезы* — белые траурные оборки на чёрном платье, как правило, по воротникам и рукавам.

Блаженная остановилась, опустила голову и пошла дальше. Только посох по дощатому настилу постукивал: стук да стук. Словно отсчитывал дни царствию Петра Третьего.

* * *

С той поры, как Маркел таскался за блаженной по городу, прошёл год, а кажется, будто век пролетел, столь круто свернула в сторону его жизнь. Будто лихой конь на полном скаку скинул с седла да в канаву с крапивой.

Завидев блаженную, Маркел скомкал в руках шапчонку и согнул спину в поклоне:

— Здравия желаю, Андрей Фёдорович.

Теперь он всегда кланялся Ксенюшке до земли, будто царице. Хотя, пожалуй, государыне императрице он кланялся с меньшим усердием. Та проедет мимо в карете либо проскачет верхами и пропадёт за воротами Зимнего дворца, а блаженная — вот она, рядом, по земле ступает. Посмотришь на неё, и будто тёплым ветерком душу овеет. Она ведь, голубушка, всё насущное потеряла, от всего отказалась, чтобы остаться наедине с Господом. Мало кому дана такая сила!

Ещё тогда, сидя под кустом в поле, он отчётливо понял, кто во граде Петровом настоящая царица, потому как сказано в Писании: *Блаженны*

*нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное*¹. А она и есть самая настоящая блаженная, не будь он Маркелом Волчегорским, несчастным мужчиной двадцати трёх лет от роду, с грудным младенцем на руках, у которого вот-вот помрёт жена. Он уже и место Фёкле на Смоленском кладбище присмотрел меж трёх тополей. Как родила она мальчонку, так и не встаёт боле. Видать, сломалось у неё что-то внутри. Подумав про Фёклу, Маркел почувствовал соль на губах. Глаза всегда сами слезу роняли, если Фёкла на ум приходила. Собрав последние копейки, он приводил к ней лекаря, да не абы какого, а самого лучшего в околотке. Положив крестное знамение на иконы в красном углу, лекарь кулаком помял Фёклин живот, заглянул в рот, а опосля изрёк, что лучшее средство от родильной горячки — пить холодный настой зверобоя и покрепче молиться.

Заради Фёклы со чадом Маркел готов был лоб расшибить, лишь бы Господь услышал и смилостивился, да не доходила его молитва до небес, видать, нагрешил много. Надобно, чтобы за Фёклу чистая душенька заступилась, такая, которую Господь в ладонях ровно птаху держит. Тут и пришло на ум побежать до разыскать ту, что просит Господа за всех, кто ныне плачет и корчится от горя. И разве может быть

---

¹ Мф. 5, 3.

не услышана та молитва, если её с любовью произносят блаженные уста? А раз так, то обязательно должна Фёкла поправиться.

Он встретился глазами с блаженной, что смотрела на него с глубочайшим состраданием. И вдруг то ли почудилось, то ли впрямь — губы Ксении тронула еле заметная улыбка.

Маркела окатила волна от страха, перемешанного с надеждой. Дрожащей рукой он нашарил в кошеле копеечку и стал продираться сквозь толпу.

«Возьмёт — не возьмёт?» — кузнечным молотом стучало в висках.

Казалось, что за эту копеечку он сейчас покупает две жизни — Фёклину и сыновью, потому как младенец без матери навряд ли выживет.

— Господи, помилуй, — начал он бормотать молитву, но всё время сбивался со слов, потому что боялся упустить из виду белый платок, мелькающий среди людских голов.

Позади блаженной ехал возок с барынькой в седом парике. Привлекая к себе внимание, барынька зазывно махала платочком и что-то говорила низкорослому слуге, что стоял на запятках.

Отшвырнув попавшего под руку мастерового, Маркел прибавил ходу.

«Возьмёт — не возьмёт? Возьмёт — не возьмёт?»

На церкви Апостола Матфея заблаговестил колокол, вздымая в воздух стаю голубей. Сдёрнув

шапку, Маркел закрестился, но шаг не умалил, и пока над Копорской слободой плыли медные звуки, ему хватило опередить барыню с повозкой.

«Возьмёт — не возьмёт?»

Протягивая блаженной монету, он зажмурился, сокрушённым сердцем предчувствуя неминуемую беду.

Ладонь словно бы птичка крылом задела. Взяла! Горячая радость облила Маркела с головы до пяток. Хоть и Господь судит живых и мёртвых, а всё же через людей сеет Он на землю Своё милосердие. Авось и не пришёл для Фёклы смертный час, раз блаженная не отказала, взяла копеечку.

Домой Маркел бежал так, что лошади по сторонам шарахались, а бровастый возница, видать, чумак из Малороссии, огрел кнутом поперёк спины.

«Взяла, взяла копеечку!» — пело и ликовало внутри, озаряя душу светом надежды. У дверей своей избы он увидел нескольких баб, что суетливо выметали голиками крыльцо, всё понял, схватился руками за изгородь и трубно завыл.

* * *

Государственный переворот в пользу императрицы Екатерины вызревал долго, а случился неожиданно-негаданно, полыхнув в тот момент, когда в особняк князя Дашкова прибежал

запыхавшийся офицер с посланием к её сиятельству Екатерине Романовне Воронцовой-Дашковой. Письмо оказалось такой срочности, что Екатерина Романовна решительно отказалась пить кофе и заметалась по покоям, а потом кинулась к конторке, дабы начертать записку в несколько строк.

Слуги стояли наготове.

— Мундир подайте, в нем пойду, — кинула Екатерина Романовна и, не ожидая, пока тонкое сукно плотно обляжет плечи, выскочила на улицу, сразу окунувшись в тёплый июньский день с запахом сирени и медвяных трав, что пробивались на недавно заложённом газоне. Высоко в небе парила одинокая ласточка, в появлении которой Екатерина Романовна усмотрела добрый знак.

— Господи, подскажи! Я знаю, что поступаю правильно, но не остави меня одну пред ликом опасности! Оборони от злого рока! Не ради себя стараюсь, но радею за Отечество!

Екатерине Романовне Дашковой минуло оснадцать лет, и она знала, что в офицерском мундире Преображенского полка выглядит похожей на нежного отрока с белой кожей и тёмными очами. Но сейчас было не до любования и маскарада. Надобно поспешать, чтобы не сорвался тщательно продуманный заговор с целью возвести на Российский престол истинную

матушку-государыню, иначе пропало Отечество под пятой сумасшедшего голштинного шута, признающего над Россией власть прусского короля. Дошло до того, что на балу, перед всем честным миром, Пётр встал на колени у портрета Фридриха Второго и заставил сановников кричать тому виват! И кричали! Отводили глаза, крутили кукиши в кармане, но кричали!

Одна императрица Екатерина Алексеевна нашла в себе смелость промолчать. Истинная государыня! Только она должна взойти на престол! Только она и никто более!

Дашковой запомнился беглый стук собственных башмаков по деревянному настилу и то, как замерла, увидев всадника в малиновом кафтане с золотым позументом, нёсшегося навстречу во весь опор. Таким плечистым и рослым мог быть только Алексей Орлов, брат Григория Орлова!

Не чуя под собой ног, она кинулась навстречу:

— Алёша, любезный друг, поручик Пассек арестован!¹

— Знаю! — Рванув за узду, он осадил коня, коротко всхрапнувшего. От морды животного

---

¹ *Пассек Пётр Богданович* — командир гренадёрской роты Преображенского полка, случайно проговорившийся о подготовке заговора (1762 г.). Позднее — государственный деятель.

летели ключья пены. От бешеной езды парик на голове Алексея Орлова съехал на затылок, приоткрывая полоску тёмных волос. Злым голосом он коротко бросил: — Надо действовать немедленно, иначе голова с плеч! И императрицу погубим, и себя.

Екатерина Романовна побледнела:

— Да, ты прав! — Придерживая рукой шляпу-треуголку, она запрокинула голову, глядя на Орлова снизу вверх. — Я послала записку жене Шкурина¹, чтобы наняла карету для государыни и сообщила мужу держать её наготове. Шкурин неотлучно находится при императрице, подаст сигнал в случае опасности.

Говоря, она задыхалась от нетерпения. Страха не было, лишь в висках билась и пульсировала единственная мысль: «Успеть бы! Пан или пропал!»

* * *

Карета, нанятая Дашковой, словно птица летела по улицам Петербурга.

«Поберегись, поберегись, поберегись», — выстукивали по мостовой копыта четверика лошадей. Хотя белые ночи шли на убыль, света

---

¹ Шкурин Василий Григорьевич — камердинер Екатерины, позже камергер, тайный советник, член Вольного экономического общества.

хватало, чтобы рассмотреть каждый камешек, что мог ненароком попасть под колёса и повредить тележную ось.

От быстрой езды карету шарахало из стороны в сторону. Привстав на козлах, возница поднял хлыст и поддал ходу. Шкурина сказала, что озолотит, если домчит в Петергоф за пару часов. Дело, видать, срочное и опасное. Барыня от волнения была сама не своя: причёска растрёпана, платье в беспорядке. Барыней Шкуруину повеличал больше по привычке, из уважения к дворцовой прислуге, ибо не каждому выпадает счастливый билетец питаться с царского стола, а то и потомственное дворянство выслужить.

Вспомнив про царицу, что проживала сейчас аккурат в Петергофе, он почувствовал, как по горячей спине проскользнул холодок тревоги. Уж не в заговорщики ли попал? Хотя новый император Пётр Третий и упразднил Тайную канцелярию, но возглас «Слово и дело»¹ накрепко застрял в мозгу рассказами о пыточных комнатах с калёным железом и страшной дыбой под потолком. Любой горожанин

---

¹ Слова, которые в России XIV–XVIII вв. означали, что человек, выкрикнувший их, хочет дать важные показания о государственной измене. На возглас «Слово и дело!» немедленно являлась стража, начиналось следствие, как правило, с применением пыток.

от мала до велика трепетал от особняка Тайной канцелярии, что на Садовой улице. Не далее как вчера в трактир забрёл увечный калека без языка. Выпрашивая подаяние, бедолага невнятно мычал и тряс головой, изъеденной чешуйчатым лишаем.

— Видал, Архип, что с людьми в пыточных комнатах делают, — коротко молвил трактирщик, кивнув на увечного, но и этого хватило, чтобы лоб стал влажным от пота.

Близ моста через Неву стояла женщина в красной юбке и зелёной кофте. Блаженная Ксения, вспомнил он её имя, вроде бы как вдова певчего.

Он и прежде видел её то на Петербургской стороне, то на Васильевском острове. Не зашибить бы ненароком. Не дай бог, лошади взбрыкнут, и быть беде. Острый глаз возницы успел усмотреть, что юбка рваная по краям, а кофта истрепалась чуть не в лохмотья. Говорят, встреча с ней может принести удачу.

«Слава тебе, Господи! — Перехватив вожжи в левую руку, возница быстро перекрестился. — Если получу обещанное жалованье за поездку, то десятую долю от щедрот раздам на паперти», — походя загадал он, потому что более думать времени не было — надобно поспешать, раз подрядился исправить службу.

Наплавной Исаакиевский мост колыхался под напором тысяч ног, бегущих в сторону Зимнего дворца. Тяжёлые волны гулко хлюпали о борта барок, на которые опирался деревянный настил. Барок было ровным счётом двадцать девять, а барочных досок разных мер — три тысячи сто семьдесят семь. Старики вспоминали, что после смерти царя Петра Великого светлейший князь Алексашка Меншиков велел изничтожить мост, чтобы новый государь не смог вывезти богатства из его дворца на Васильевском острове. Алексашке хитрость не помогла, но опосля цельных пять лет добратся до Васильевского острова можно было только перевозом по воде. Заново мост возвели по приказу недоброй памяти Анны Иоанновны и за движение драли пошлину — копейку с пешего али верхами, а с возов да карет ажно по пятаку.

Спасибо царице Елизавете Петровне, что отменила мостовые деньги за переход. Хотя если подумать, то сколь много лодочников тогда кормилось за счёт перевоза, а нынче глядь — стоят одни баркасы для крупных грузов да шныряют лайбы¹ чухонцев, приезжающих торговать на столичные рынки.

---

¹ *Лайба* — большая двухмачтовая лодка с косыми парусами (на Балтийском и Белом морях, Днепре, Днестре).

Чтобы не замяла толпа, Маркелу Волчегорскому пришлось прижаться спиной к перилам моста. С тех пор как похоронил жену и остался один с ребёнком, он стал бояться случайностей. От случайной мысли, что его Егор может остаться сиротой, сердце обливалось ужасом. Он едва не сверзился головой вниз, когда с ноги соскользнул чёбот.

— Эй, дядька, не зевай! — весело выкрикнул пострелёнок в холщовом рубище. Подскочив ужом, он успел спасти пропажу и весело подкинул вверх.

Одной рукой Маркел перехватил чёбот:

— Спаси тебя Христос!

Пока переобувался, люди толкали в спину и в бока. Казалось, что в это утро Петербург превратился в растревоженный пчелиный рой, что гуртом собирается вокруг своей матки. Бежали мужики, бабы, девки. Матери на закорках тащили малышей. Проталкивались вперёд босоногие ребяташки.

Где-то за спинами мастеровых ему почудилось знакомое лицо блаженной, очень спокойное посреди всеобщего кипения. Как всегда, она была одета в красную юбку и зелёную кофту. Маркел подумал, что надобно держаться поближе к ней, чтоб в случае чего оборонить от толпы. Но его уже оттеснили к другому краю.

— Царицу убили! — вдруг выкрикнул чей-то голос посерёд людского моря.

— Заговор, заговор... — пролетел по головам шёпот и стих в водовороте толпы.

— Не зря проклятуший Пётр Третий Минаха с Бироном вернул, снова грядут кровавые времена! — возбуждённо вещал господин в старомодном парике. Толпа влекла его вперёд. — Помяните мои слова: быть худу!

— Слово и дело! — петухом клёкнул невзрачный мужичонка в лаптях без онучей. Видать, забыл накрутить второпях.

Два рослых парня шутейно ткнули мужичонку под бока:

— Доносчику первый кнут!

И почти сразу, перекрывая звуки, коровьим рожком загудел густой бас, ровно диакон молитву вывел:

— Да здравствует государыня Екатерина Вторая!

— Да здравствует!

— Виват императрице!

— Виват! Виват! Виват! — вихрем закрутилось в накалённом воздухе.

Казалось, высеки искру, и мост полыхнёт ярким пламенем вместе со всем честным людом.

На Петропавловской крепости пробило десять часов. И вдруг стало боязно: куда-то сейчас пойдёт Россия-матушка? Вправо ли свернёт, к голштинцам, влево ли, замиряться с королём шведским, либо двинет прямо, своим путём,

до сибирских лесов, не оборачиваясь и не оглядываясь?..

Крики на Дворцовой площади нарастали, и скоро неясный гул перерос в громадный вал тысячи глоток, что дружно орали единое имя:

— Екатерина! Екатерина!

Вдруг откуда ни возьмись навстречу рванулась ватага мальчишек, и каждый пострелёнок прижимал к животу островерхую шапку, похожую на шутовской колпак.

— Отель несётесь, как заполошные, поди, ограбили кого? — растопырила руки баба в широком сарафане, расшитом понизу красной тесьмой.

— Не бойсь, тётенька! — звонко выкрикнул один, самый мелкий. — Это солдатики выбрасывают прусскую форму, требуют, чтобы каптенармусы старую со складов возвертали! А ты, тётенька, беги шибче, не то опоздаешь, купцы на радостях вдоль проспекта бочки с пивом выкачивают. А новая царица уже молебен в Казанском соборе отслужила. Туда четыре полка пехоты подошло да артиллерия с пушками! Вот потеха!

Маркел охнул:

— Слава Тебе, Господи! Не свершилось смертоубийства, жива царица!

Сорвав шапку, Маркел перекрестился и тут заметил, что крестится не один, а вместе со всем народом.

«Нет, время не шло — оно летело, подобно пуле, выпущенной из первоклассного штуцера. Давно ли на трясущихся ногах провожал супружницу на Смоленское кладбище, а глядь, четыре года пролетело, — подумал Маркел Волчегорский. — И слава Тебе, Господи, за великую милость, что послал на порог добрую кормилицу, не дал погибнуть сыну-малютке».

В тот страшный день за окном выла буря, поворачивая вспять волны залива. И он тоже выл, обхватив руками голову, потому что в люльке умирал сынок Егорка. Малодушно думалось, что надобно пойти к целовальнику и напиться в хлам, чтобы не смотреть, как в последний раз шевельнётся бледный ротик, похожий на крошечного червячка. Соседская жёнка пыталась покормить Егора, но он не брал грудь, токмо безучастно смотрел огромными голубыми глазами, словно просился на небо к новопреставленной мамушке. Стук в дверь раздался вместе со стуком ветра о ставни. Маркел не удивился незваному гостю — в доме умершего двери всегда отперты для поминок. Но вошедшая женщина с ребёнком пришла не наниматься в плакальщицы. Положив низкий поклон, она без сил опустилась на пол возле печи, покачала своего младенца, завёрнутого в тряпьё, и едва слышно проговорила:

— Не выгоняй, хозяин, дай ночь пересидеть, а то мою избёнку в реку смыло.

Он поднял голову и налитыми от слёз глазами поглядел на бледное лицо в тёмном платке, с трудом признавая в пришедшей вдову золотаря Неонилу, что жила на Мокруше, вблизи болотной протоки. Была она бабой бойкой, нахрапистой, из тех, что лучше за версту обойти, чем парой слов перемолвиться. Срамно сказать, но пару раз он видел, как простоволосая Неонила наподобие мужика к бражке прикладывалась. Ещё подумал: не дай бог с такой окаянной женой повенчаться.

С трудом ворочая языком, он спросил, только для того, чтобы не молчать:

— Как смыло избу? Почему?

Она пожала плечами:

— Знать, Бога прогневили. Вода нынче поднялась, подтопила берег, вот наш домишко и ополз в яму. Сама не пойму, каким чудом мы с Любушкой успели спастись. Видать, пригодимся ещё кому-то на этом свете.

Словно поняв, о чём говорят, девчонка в свивальниках выгнулась дугой и заорала благим матом. И, о чудо, в ответ на её ор тихонько бляккнул жалобный писк Егорушки.

Неонила встрепенулась:

— Никак у тебя там дитё?

— Сынок умирает, — едва ворочая губами, произнёс Маркел и без всякой надежды

сказал: — Мамка померла, а без неё младенец не жилец. Счастье, что окрестить успели. К утру придётся новый гроб колотить. Из дубовых досок сделаю.

— Окстись, живого хоронить! — возмутилась Неонила. — А ну-ка дай мне ребетёнка! — Её голос внезапно окреп.

Ткнув Маркелу в охапку свою вопящую девку, она подошла к люльке и вытащила Егора:

— Иди ко мне, желанный, дай я тебя приголублю.

Маркел закрыл глаза, а когда открыл, то Егор лежал у Неонилиной груди и сладко причмокивал.

В благодарность Неониле, что помогла сына выпестовать, Маркел поставил ей новую избёнку. Хоть и невелика — чуть побольше баньки, а всё же свой угол. За добро надобно добром платить, а оно в свой черёд порождает новое добро, и идёт тогда человеческая жизнь по-людски, без смертных грехов.

Не зря блаженная Ксения взяла его копеечку, ой не зря. А ведь спервоначалу орал, кулаком грозил, корил небо за жену и опомнился, лишь когда Егорка на ножки встал и, держась за отцовский палец, протопал на крыльцо. До сих пор приходится в церкви каяться за своё неверие да злые словеса. Простит ли Господь?

Маркел посмотрел на белую головёнку сына, торчавшую из кадушки, изготовленной для погребов графа Строганова, и нарочито строго прикрикнул:

— Эй, Егорка, смотри, не балуй, сия кадушка под солёные грибы заказана, а не для мальцов!

— А вот и для мальцов! А вот и для мальцов! — тугим, валяным мячиком запрыгал Егорка.

Маркел обтёр руки о тряпицу и подошёл к жонке солдата из Пушкарской слободы, что приценивалась к кадушке под кипяток. Харитина была бабёнкой разбитной, прилипчивой, поэтому Маркел держался с ней настороже. Не ровён час, брякнет кто её мужу, что бондарь на чужих жён заглядывается — не отмоешься от греха. На всякий случай он придвинулся ближе к своему мальчонке и живым щитом взял того на руки.

Харитина понятливо усмехнулась:

— Не бойся, не съем. У тебя костей много, а я мягоньких люблю. Сколько за эту бадейку запросишь? — она указала на кадушку в самом дальнем углу. Надо сказать, глаз на товар у неё был наметан. Сразу самую лучшую вещь углядела.

— Рубль с полтиной возьму, бо из первоклассного дуба сработана. До следующего царствия достоин, — похвалил товар Маркел. —

У меня подобную голландский шкипер купил с торгового судна. Головой качал да языком цокал.

— Скинешь цену на пятак — возьму.

Харитина подбоченилась, как бы невзначай приподнимая подол юбки, чтобы показать новые берёзовые лапотки, ладно выплетенные по размеру. Знала, что хороша в зелёном сарафане (крапивою крашен) да со связкой стеклянных бус на груди.

«Хоть в пляс пускайся», — сердито подумал Маркел и, чтобы грешные мысли не лезли в голову, согласно кивнул:

— Забирай бадейку. Поступлюсь пятаком, но ежели увидишь у себя в слободе блаженную Ксению, то кланяйся ей от меня.

— А чего ж не увидеть? Увижу. Она частенько мимо моей избы ходит. Правда, в последнее время сама не своя. Плачет и плачет.

— Плачет? — Широко шагнув, он оказался напротив Харитины. — Может, обидел кто? Разузнай да мне скажи! Уж я разберусь с обидчиком!

Обняв бадейку, Харитина пожалала плечами:

— Мы её тоже пытали, что, мол, Андрей Фёдорович, плачешь? Зайди, угостись щами, а то и пирожок возьми.

— А она?

— А она пуще слезами заливается да твердит одно: «Кровь, кровь. Там реки налились кровью.

В каналах кровь». Мы с бабами так и не уразумели, о чём она балакала. Одно слово — блаженная. Мало ли что ей в голову взбредёт?

— Это из твоей головы, Харитина, думки вылетают, что дым через трубу, — сказал Маркел, — а Ксения зазря плакать не будет. Помяни моё слово, что страшная весть уже не за горами.

* * *

Через три недели после пророчества блаженной в Шлиссельбургской крепости, что запирает водный путь в стольный град, был убит тайный узник. Его имя находилось под запретом, и в бумагах узник числился как «неизвестный арестант». Годовалым младенцем он утратил свободу ещё в правление царицы Елизаветы Петровны, и его осязаемый мир состоял из тюремных стен, звука шагов часовых, стука ложки об оловянную посуду и облаков, летящих за решётчатым оконцем, что зимой покрывался инеем, а летом сочился каплями влаги. В Шлиссельбург узника доставили четырнадцатилетним мальчишкой, дрожащим от страха и одиночества, и десять последующих лет слились для него в бесконечность, подобную серым водам вокруг высокого крепостного вала.

Узника хорошо кормили и добротнo одевали, но ничья рука не протягивалась к нему с лаской

и ничей голос не нашёптывал на ухо добрых слов. От жизни в постоянной полутьме его кожа приобрела матовый оттенок пергамента. Рыжеватые волосы спускались на шею путаной гривой.

Указ запрещал стражникам разговаривать с заключённым, но он откуда-то выучился читать и попросил принести себе Библию. Ещё он знал, что его зовут Иван и что он государь Российской империи Иоанн VI¹. Кто сообщил ему сие, осталось неизвестным, потому что одним из первых указов императрица Елизавета Петровна повелела стереть память о существовании царя Ивана через изымание денег с его профилем и уничтожение документов с его именем. Лица, у которых обнаруживали монеты Иоанна Антоновича, подвергались пытке и ссылке как государственные преступники.

Опасение, что узник вырвется на свободу, оказалось столь велико, что коменданту крепости поступил приказ при попытке освобождения

---

¹ *Иван VI* (Иоанн Антонович) — правнук Ивана V, брата царя Петра Великого. Императрица Анна Иоанновна хотела оставить трон за потомками своего отца Ивана V и очень беспокоилась, как бы он не перешёл в будущем к потомкам Петра I. Поэтому в завещании она оговорила, что наследником является Иоанн Антонович, сын племянницы Анны Леопольдовны. Спустя год после воцарения младенца в стране произошёл переворот. Дочь Петра Великого Елизавета арестовала регента Остермана, императора Иоанна, его родителей и всех их приближённых.

арестанта одного умертвить и живым никому в руки не отдавать. Взойдя на престол, Екатерина Вторая оставила положение узника без изменений, хотя и питала надежды, что он вскорости примет постриг в монастыре. Но как ни тщились охранники хранить тайну неизвестного арестанта, она сумела просочиться наружу и сделалась известной подпоручику гарнизона Шлиссельбургской крепости Василию Яковлевичу Мировичу¹.

* * *

Всю долгую ночь подпоручик Мирович писал царский манифест. Рвал бумагу, бросал перо, метался из угла в угол и снова садился писать. За окном стояло мутное марево уходящих белых ночей, зудело комарьё, шумели листьями редкие деревья вдоль плаца внутри крепости. Глядя на огарок свечи в медной плошке, он впитывал в себя эти звуки, чтобы запомнить момент, который перевернёт судьбу империи наподобие песочных часов. И каждая песчинка тогда станет драгоценна, потому как отсчитывает первые минуты царствия нового императора Ивана

---

¹ *Мирович Василий Яковлевич* (1739–15.IX.1764) – подпоручик Смоленского пехотного полка, организатор неудавшегося дворцового переворота 1764 г. в России в пользу Ивана VI Антоновича.

Шестого. Говорят, историю вершат цари. Нет! Историю вершат сильные личности и гении.

Ощущение опасности заставляло кровь бурлить в жилах. Внутреннее нетерпение переходило то в панику, то в ледяное спокойствие. Мирович схватил со стула кафтан, шляпу, шпагу. Пристегнув шпагу, поднёс к глазам руку и посмотрел на пальцы. Длинные, ровные, с плоскими лунками ногтей. Завтра эта рука ничтожного подпоручика Смоленского полка станет могущественной дланью второго человека в империи. Её будут лобзать благодарные народы, свободные от ига несправедливой власти.

Одёргивая мундир, Мирович мельком вспомнил о прадеде, что служил гетману Мазепе и сбежал в Польшу, и о сосланном в Сибирь отце. Тот был уличён за тайные поездки в Варшаву. Злой рок, нависший над его семьёй, должен быть повержен. Оставалось всего ничего — поднять гарнизон в ружьё, отдать солдатам приказ арестовать охрану тюрьмы и принудить коменданта освободить законного императора Иоанна Антоновича.

И задуманное шло как по маслу! Растерявшиеся солдаты, повинувшись команде, наставили оружие на тюремщиков.

— Вперёд, ребяташки! — крикнул Мирович, почему-то представив себя на коне впереди войска. Со шпагой наголо и пистолетом в другой

руке он ворвался в тёмное узилище, состоявшее из длинного коридора с железными дверями по обе стороны.

Тайная комната была точно здесь! За спиной его толпились солдаты.

У двери, обитой железом, он остановился:

— Сдавайтесь! Именем государя!

— У нас государыня, — глухо раздалось из камеры, словно из-под гнёта в дубовой бочке.

Ответная тишина отдалась толчками сердца о рёбра. Там два охранника, не откроют — обоим ждёт пуля. Резкий вскрик за стеной ударил картечью по натянутым нервам.

Переведя дух, Мирович воскликнул вдруг горядь:

— Отворите именем государя, иначе прикажу стрелять из пушки шестифунтовым ядром!

— Не стреляйте, сдаёмся.

Дверь каземата распахнулась, и в полной темноте угадалась фигура охранника.

— Огня! Подайте свечу! — закричал Мирович, не узнавая своего ликующего голоса. Действуя почти вслепую, он навёл дуло пистолета на охранника. — Подите прочь, душегубы, иначе сделаю вам расчёт! Грядёт новый государь и новый век для России!

Фигура отшатнулась, и почти тотчас над головами солдат промелькнул тусклый отблеск фонаря, которой передавали из рук в руки.

Мерцающий луч озарил лицо охранника с безумным взором человека, находящегося в крайнем потрясении.

Прежде чем ворваться в узилище, Мирович ударил его в лоб рукоятью пистолета. Другой охранник жался к стене. Круг света от фонаря качнулся по полу, и Мирович увидел там в луже крови распростёртое тело. «Не может быть! Государь?! Как же так?!» — точным выстрелом ужас прокатился по мыслям и застрял пулей в груди.

Не помня себя, он рухнул на колени и облобызал руку покойника. Грязную, со сломанными ногтями, что царапали в агонии доски пола. От собственного воя у Мировича заложило уши:

— Бессовестные!! За что пролили невинную кровь?!

Уже без сопротивления — всё было кончено — он позволил себя разоружить и взять под караул.

* * *

— А ну, живо слезай да пятками не елозь! — прикрикнул Маркел на Егорку, когда сын взобрался на тополиную ветку, опасно скрипнущую под его весом. — Уши надеру!

Хотя знал, что не надерёт. Не любил он ни драк, ни ссор, ни крови из разбитого носа. Курице и то через силу топором голову тюкал

да старался так, чтоб животи́на не мучалась. Его передёрнуло от мысли, что на сегодня назначена казнь изменщика Мировича. Указ об этом глашатаи до хрипоты зачитывали на всех углах: «Собрание вынесло приговор: Мировичу отсечь голову и, оставя тело его народу на позорище до вечера, сжечь оное вместе с эшафотом. Из прочих виновных разных нижних чинов прогнать сквозь строй, а капралов сверх того написать вечно в солдаты в дальние команды».

Осерчав, Маркел с размаху насадил на бочку остатний обруч и обтёр руки о тряпицу. От мыслей, что в паре вёрст отсель построено лобное место, на душе становилось муторно. Как можно щи хлебать, ежели в эту самую минуту палач топор точит? Худо, ох худо! Не то чтобы он жалел заговорщика — смута государству Российскому не надобна, но зря в Сенате решили людской кровушкой городскую землю орошать. Лучше бы изменщика в крепость заточили на веки вечные, замест Иоанна Антоновича, коего по его недомыслию жизни лишили.

Весть о казни поручика Мировича разнеслась по городу, когда Маркел доставлял бочки в лабораторию (слово-то какое! Язык сломаешь!) господина Ломоносова, что на Второй линии Васильевского острова. Сам Михайло Васильевич, в парике и кафтане, в то время изволил беседовать о чём-то с двумя мастеровыми

и на его поклон ответно кивнул, не побрезговал. Сразу видно, что свой человек, из простых мужиков, не кичливый.

Бочки принимала стряпуха Ольга с обвислыми щеками и ловкими толстыми пальцами, умевшими отменно квасить капусту и упаривать в меду репу с брусникой.

Отсчитывая медные пятаки, Ольга невзначай спросила:

— Пойдёшь на Сытнинскую площадь смотреть, как офицеру голову рубить будут?

Он обомлел:

— Окстись, мать, на Руси двадцать два года как не казнят.

Ольга норовисто фыркнула, навроде собаки, когда кость не по нраву:

— Да ты никак глухой, Маркел? Глашатаи лужёные глотки сорвали, выкрикивая указ императрицы, а тебе, окаянному, всё нипочём.

— Закрутился с мальцом да с работой, — оправдался Маркел, — недосуг было нос из мастерской высунуть.

И немедля решил, что ноги его на Сытнинской не будет. Недоброе то дело — на чужие муки смотреть, хоть бы и преступника. Решить-то решил, а всё одно пошёл, потому как по пути домой встретил блаженную Ксению, что стояла у забора избы артельного старосты и смотрела на него долгим взглядом. Он в пояс

поклонился, но заговорить не решился. И она молчала, потом отвернулась и пошла, а опосля остановилась и ребром ладони легонько так по доскам рубанула.

Может, просто так стучала, может, мошку в траву сбросила, но он почему-то истолковал её намёк по-своему, тем более что был памятен случай, как она Прасковье Антоновой на богданного сыночка указала. Соседка языком чесала, что заглянула блаженная к Антоновой да и говорит:

— Вот ты тут сидишь, чулки штопаешь, а не знаешь, что тебе Бог сына послал. Беги скорее на Смоленское кладбище!

Сперва Параскева заартачилась, какой может быть сын, коли она уже в возрасте да без мужа, но всё ж таки не осмелилась перечить, побежала. А там! Батюшки светы! Беременную бабу повозка сбила. Возчик стоит, орёт благим матом, бороду на себе рвёт, под телегой мёртвая лежит, а рядом только что народившийся младенец корчится.

Теперь тому мальчонке уже десятый годок скоро. Антонова на него не нарадуется и матушку Ксению где только может прославляет.

Вдруг и он, Маркел, по подсказке блаженной обретёт счастье? Не век бобылём куковать, да и Егорке нужна мать добрая. Грех жалобиться, свахи к нему во двор заглядывали, но он без

любви не хотел невесту высватывать. Решил положиться на волю Божию.

* * *

Эшафот на Сытнинской площади¹ сколотили за три дня. Сперва возвели помост на столбах, потом, словно в издѣвку, размалевали доски смолой, что лодки конопатят, а напоследок подрядчик послал рабочих в обжорные ряды выкупить у какого-нибудь мясника колоду, подходящую для рубки человеческих голов.

Народ на рынке от посыльных как от прокажённых по сторонам брызгал, едва узнавал, что за дело их сюда привело. Свят-свят-свят! Говорят, кое-какие мясники попрятались с испуга, что покупатели разбегутся, если про них пойдёт недобрая слава. Насилу разыскали колоду шириной в обхват. Сторговались за десять рублей — цена дикая, ну да деньги казѣнные, чего их жалеть.

Молодая барынька при виде колоды в обморок брякнулась, пришлось водой отливать. Пока тащили колоду на таратайке, сзади бежали

---

¹ В петровском Петербурге так называли территорию у Сытного рынка, где проводились казни. В XVIII в. эшафот устанавливали за Кронверком. В последний раз публичная казнь на этой площади состоялась 15 сентября 1764 г. Другое название площади — Обжорка.

огольцы с посвистом да улюлюканьем. Одному из работников два раза пришлось кулаком грозить, чтоб ватага отстала подобру-поздорову.

Когда около новенького эшафота на ночь поставили солдат в караул, Петербургская сторона притихла. И страшно людям было, и любопытно, и жалостно. Говорят, преступник-то совсем молоденький, ведь чей-то сын, чей-то жених, чей-то брат. Многим в тот день вспомнилось, как в июле месяце блаженная Ксения слезами заливалась да кричала про кровь. Те, кто зашёл в храм Святого апостола Матфея¹ и Покрова Пресвятой Богородицы, видели, как стояла она на паперти и горестно взирала в сторону Сытнинской площади.

— Не горюй, Андрей Фёдорович, авось помилование выйдет, — пробормотала ей в спину высокая женщина в синем платье и белом платке.

Погружённая в свои думы, блаженная не ответила. Оперлась на посох и побрела по своему обычному кругу.

— Небось к Голубевым пошла, — сказала женщина, перехватив взгляд краснощёкой молодки в салопе и рогатой кике. — Они её особо привечают. Знаешь Голубевых?

---

¹ Утраченный храм Святого апостола Матфея и Покрова Пресвятой Богородицы, архитектора Доменико Трезини, располагался по адресу ул. Большая Пушкарская, д. 35. В 1932 г. по решению Ленгорисполкома храм был взорван.

— Нет. — Молодка затрясла головой так, что медные серьги в ушах забрякали. — Я, тётенька, не местная. Вчерась барыня из деревни привезла.

— То-то я и вижу, что ты по облику деревенская. — Женщина осмотрела молодку с ног до головы. — И у каких же господ ты служишь?

— У Мартыновых. Вон там, — вытянув палец, молодка ткнула им в направлении переулка. — Муж мой кучер, а я в стряпухах хожу.

Женщина понимающе кивнула:

— Знаю Мартыновых. Почтенное семейство. Они недалеко от Голубевых живут. Слыхала небось, какая с их дочкой история приключилась?

— Откудова? — Хотя глазёнки заблестели от любопытства, молодка уважительно склонила голову: — Буду рада, тётенька, ежели обскажешь мне про ваши дела. Мабудь, я тут надолго задержусь.

— А что не рассказать? Расскажу. А ты слушай и на ус наматывай. Голубевы те вдвоём живут — мать-вдова да дочка. Хорошая барышня, смиренная да приветливая. Никогда слова поперёк не скажет и собой хороша. Да ты её скоро сама увидишь, раз соседствуешь.

— Знамо увижу, — поддакнула молодка. — Я приметливая.

— Слушай дальше. — Женщина медленно пошла по улице, и молодка засеменяла сзади, боясь пропустить хоть слово. — Вздумалось раз

старшей Голубевой с дочкой кофею выпить. Только воды вскипятили, сесть ещё не успели, как глядь — к ним в дом стучит блаженная. А они завсегда рады Ксенюшке. И за стол усадят, и перинку подстелят. Хотя врать не стану, про перину я ради красного словца сказала.

«Садись с нами, Андрей Фёдорович, кофею отведай», — говорит Голубева.

А блаженная наша на неё и не глядит, а сразу к дочке подступает: «Эй, красавица, вот ты сидишь тут, кофе варишь, а муж твой жену на Охте хоронит. Живо беги туда!»

Барышня вроде как стала отнекиваться: «Какой, мол, муж, Андрей Фёдорович? У меня и жениха-то нет. А тут какой-то муж да какую-то жену хоронит».

А Ксения не отступает. Серчать начала, по-сошком об пол пристукнула: «Беги, и всё тут!»

Делать нечего. Голубевы перечить не посмели. Наняли возчика, ибо Охтинское кладбище от наших краёв не ближний свет, да и поехали. Едут, сами не знают — зачем.

Глядь, а у ворот дроги стоят, мужики на полотенцах гроб несут, крики, вопли. Кладбищенские плакальщицы песню тянут, хоронят молодую жену доктора, что умерла от родов. Царствие ей Небесное. — Женщина перекрестилась. — Да что зря толковать, сама знаешь, как покойников провожают.

— Да-да, — горячо поддержала молодка. — А потом что случилось? Уж больно ты, тётенька, интересно рассказываешь.

— Дальше ещё интереснее будет, — подкинула дровишек рассказчица. По всему видно, что история сказывалась не единожды. Она дождалась, когда молодка вся превратилась в слух, и, нарочито растягивая слова, продолжила: — Только Голубевы подошли к могиле, тут бряк — им прямо на руки молодой мужчина без чувств валится. Едва подхватить успели. Оказалось, что он вдовец и есть. Ну, Голубевы его, как могли, утешили, под руки поддержали, одежду оправили. Барышня Голубева душевная, она и сама всплакнула. Слово за слово, пригласили они доктора заезжать в гости, чтобы поддержать в горе. Это уж год тому назад было. А нынче барышня Голубева под венец идёт. И кто ты думаешь жених?

— Доктор! — в восхищении всплеснула руками молодка. — Ну и ну!

Лицо рассказчицы расплылось в довольной улыбке, но она тут же нахмурилась:

— Заболталась я с тобой. Прощевай, соседка. Побегу ребят спать положу, чтоб завтра пораньше на Сытном рынке место занять и смотреть, как изменщика будут казнить или миловать.

Содержание

ДАВНО МИНУВШЕЕ...

5

НЫНЕШНЕЕ...

149

БУДУЩЕЕ...

746

